

Сергей Никандрович Воронин в Отечественную войну не воевал. Но осколки той великой битвы с фашизмом, можно сказать, сидят в нем, как бывает с израненным солдатом. Он с 1930-го года рождения и, значит, видел, как народ ежедневным почти непосильным трудом приближал День Победы. Сам небольшими детскими силами пытался помогать окружающим, в первую очередь своей семье, которую не обошли похоронные извещения. Брату Александру, в 19 лет погибшему в танковой атаке под Смоленском, он спустя много лет напишет стихи:

Была война такая страшная...

Лампады розовое пламя,
И тихо ходики стучат.
Глядит на старенькую маму
С портрета стриженный солдат.
Он смотрит с грустью затаенной
На ту же дверь родной избы,
Откуда парнем несмысленным
Шагнул в объятия войны.
Все было: письма из вагона,
Атак свинцовая метель,
И командирские погоны,
И обгорелая шинель...

А в первые послевоенные годы пришлось надеть солдатскую шинель и младшему брату. Как же волновалась, должно быть, мать, вспоминая судьбу старшего сына! Основания для этого были: попал Сергей Воронин в войска государственной безопасности, очищавшие Литву от бандитов-националистов. Неслучайно всем воинам потом выдали удостоверения участников войны...

Молодые солдаты узнавали от своих более старых сослуживцев страшные подробности о «сороковых роковых». У Сергея Воронина эти рассказы воплощались со временем в поэтические строки:

Была война такая страшная,
Какой не видел белый свет.
Когда над белыми ромашками
Вставал обугленный расцвет.
Была война такая страшная,
Сидели люди в двадцать лет.

Тема Великой Отечественной так и прошла через все его поэтическое творчество. Природный творческий дар реализовался в мирной жизни еще и на стезе журналистики. Родившийся в Сосновском, Сергей Никандрович после службы вернулся сюда, работал корреспондентом районной и областной газет, организовал многотиражную газету на заводе «Металлист» и был ее редактором. После ухода на пенсию активность его в общественной жизни несколько не уменьшилась: он возглавляет ветеранскую организацию на заводе, выступает с чтением стихов перед молодежью, особенно перед допризывниками. Когда в области проходили всероссийские фестивали творчества инвалидов, С.Н.Воронин стал их участником. Об этом свидетельствуют диплом и почетная грамота Нижегородского областного общества инвалидов.

Светлана МИХАЙЛОВА

На восточной границе

Все меньше и меньше остается ветеранов второй мировой. Потому мы так ценим воспоминания непосредственных участников войны, внесших свой вклад в противодействие захватчикам. Один из них – Виктор Васильевич Колесов.

В октябре минувшего года ему исполнилось 90 лет. Возраст почтенный, но ветеран бодр, радуется каждому прожитому дню и ведет активный образ жизни. Он любит заниматься своим приусадебным участком. Его хорошо знают в школе № 99, где он часто выступал перед детьми с воспоминаниями о войне. А в совете ветеранов ОАО «Завод «Этна» он преподавателем в активистах.

В армию его призвали в сентябре 1939 года из Горького. Служить направили на Дальний Восток. Ехали к месту назначения целых шестнадцать суток. Виктор Колесов был зачислен в учебную роту, где готовили прожектористов. Эти специалисты были нужны для зенитной артиллерии. В ночное время прожектор мог осветить семь километров небесного свода. Попал в его луч японский самолет

– нашим зенитчикам легче того сбить.

Но в 1939-м, 1940-м и первой половине 1941 года прожекторист Колесов свой счет пойманных в световую ловушку японцев не открыл. Хотя и чувствовалось, что ситуация напряженная, но открытого противостояния со стороны японцев еще не наблюдалось.

Ветеран хорошо помнит, как встретил начало войны: «Летом 1941 года вся приморская артиллерия собралась в Спасских лагерях. Мы проходили там подготовку. Все было стянуто в эти лагеря: и люди, и техника – зенитные орудия, прожектора. 22 июня у нас была маршировка, что-то вроде парада. В два часа все закончилось, и мы пошли в столовую обедать. Через полчаса прибегает адъютант командира: «Война! Немцы напали на Советский Союз!»

Конечно, восточные границы страны далеко от Германии, но близко коварные соседи – японцы, а значит, надо быть готовыми ко всему. Боевая тревога звучала за четыре года Великой Отечественной неоднократно, но только в 1945 году обстановка действительно стала боевой. С окончанием Второй мировой войны служба В.Колесова еще не закончилась. Демобилизовался он только в 1946 году.

Приехал в Горький и начал выстраивать мирную жизнь. Много лет проработал он на заводе «Красная Этна» в цехе холодной прокатки ленты, отсюда и ушел на пенсию. Как он пользуется заслуженным отдыхом, мы уже рассказывали...

Л.С.ШУСТОВА
На снимке: ветеран Великой Отечественной войны В.В.Колесов.

Хлеб из лукошка выращивает с детьми ветеран

Ему очень рано пришлось повзрослеть. Жизнь заставила пережить то время, когда мальчик постепенно превращается в мужчину, серьезного и ответственного, мужественного и храброго. Просто в настоящего и надежного. Хотя такая же участь постигла все его поколение, оно выросло как-то сразу. Война заставила. Она мало кого пощадила, забирала все новые и новые жертвы во имя победы. И он тоже готов был стать такой жертвой.

В операции «Багратион»

– Вам часто приходится рассказывать о войне? – спрашиваю у Н.Г.Плаксона, участника Великой Отечественной.

– Когда ребята из школы придут, попросят, – отвечает он. – А так... Страшно о ней вспоминать. Слово опять в то время переносилось...

... Его призвали в армию в октябре 1943 года. Николаю тогда еще не исполнилось 17 лет. Дома оставались мама и сестры, которые провожали единственного своего мужчину и надеялись, что, быть может, не доведется ему пасть на фронт, уж все-таки война движется к концу, так Бог даст, не придется в боях-то участвовать. Пришлось.

Тогда со всего Дальнеконстантиновского района набрался целый отряд будущих бойцов Красной Армии. Только из его родного Борисово-Покровского уходило сразу несколько ребят. Их направили в Горький, постигать в сжатые сроки военную теорию, чтобы спустя несколько месяцев применить полученные знания на практике.

Точкой отсчета его пребывания на войне стал май 1944-го. Их по тревоге подняли, посадили в поезд и отправили в Москву, а оттуда перебросили в Белоруссию, где разворачивалась наступательная операция «Багратион», одна из ключевых в Великой Отечественной.

Взвод Николая перебросили под Бобруйск. Там он вступил в самый первый свой бой. Было страшно.

– Под Бобруйском были особенно тяжелые бои, – вспоминает Николай Григорьевич. – Противник хоть и понимал, что шансов переломить ситуацию мало, но отступал неохотно, вгрызался в каждую пядь захваченной земли. Но мы выстояли, во многом благодаря поддержке нашей авиации.

А потом были сражения за Минск, Брест... Советские войска покидали Белоруссию победителями, но враг не сдавался. На одной из дорог немцы преградили путь нашей колонне. Начался внезапный бой, неподготовленный, непродуманный. На смену одной поверженной линии противника приходила другая.

– Мы пукали автоматные очереди, а наши минометчики тут же развернули установку и стали палить по врагу, – рассказывает Николай Григорьевич. – А мины в ствол посылали сразу два бойца. Так получилось, но там одновременно оказались две мины. Взрыв прогремел такой силы, что разорвало орудие и полегло все подразделение расчета. Никого в живых не осталось. А с врагом справиться снова помогла наша авиация.

Операция «Багратион» была проведена в два этапа. Она стала триумфом советской теории военного искусства из-за великолепно скоординированного наступательного движения всех фронтов. В ходе операции были освобождены Белоруссия, значительная часть Литвы, в том числе столица Вильнюс, восточные районы Польши. Советские войска вышли на рубежи рек Нарев и Висла.

Рота, в которой служил Плаксин, была брошена на форсирование Нарева. С тяжелейшими боями удалось завоевать плацдарм, но его еще нужно и удержать, чтобы закрепить успех.

– Перед нами тогда поставили задачу: с ходу занять переправу. На выполнение приказа отправили взвод из 14 человек, в том числе и меня, а дорогу нам прокладывал танк, – вспоминает Николай Григорьевич. – Под его прикрытием достигли моста через реку. А там... Выражаясь современным языком, настоящая проба образовалась. Остановилась техника, среди людей началась паника. Что делать? Потихоньку стали продви-

гаться вглубь, танк расталкивал в стороны грузовики, повозки, а мы шли за ним. И когда достигли, примерно, середины моста, немцы его взорвали. Мы, как горох, посыпались в воду. К счастью, никто не пострадал, все 14 бойцов выплыли... За ту операцию меня наградили медалью «За отвагу».

Трофей Великой Отечественной

А потом был один из самых тяжелых его боев. Сражались за удержание того самого плацдарма. Три ночи и три дня держали оборону. Без сна и отдыха, без передышки и хотя бы крохотной паузы в несколько минут тишины... На том плацдарме Николай Григорьевич потерял своего друга, лучшего, с которым начинали вместе боевой путь от самого Борисово-Покровского, Сережу Тарукалова. Да и сам Плаксин оказался в госпитале с тяжелейшим ранением в голову.

Долго оставаться на больничной койке он не мог, рвался в бой. Врачи извлекли один осколок, а второй оставили на потом. Мол, после войны будет больше времени, главное, торопиться будет некуда, тогда и извлекет второй трофей Великой Отечественной, застрявший около виска. Но он так и остался с ветераном.

Николай Григорьевич одну за другой выкладывает благодарности красноармейцу Плаксину от командования части. По ним можно проследить весь его боевой путь. Вот документ, где отдают должное его храбрости и мужеству при «овладении городом и крепостью Познань», это за «прорыв обороны немцев и наступление на Берлин» и, наконец, последняя «за овладение Берлином».

... Тот бой был, действительно, как в песне – последний и трудный самый. Победа была близка, всех охватило радостное предчувствие встречи с родными и близкими. Но вернулись не все. Многие остались там, в Берлине, убитые на пороге великого и долгожданного события, путь до которого занял целых

четыре года... Бой был последний и трудный. В нем ранило и Николая Григорьевича. Осколок рассек шею, но он смог принять участие в штурме Берлина и встретил конец войны в поверженном логове врага.

– Мы еще какое-то время оставались в Германии, потом готовили конференцию в Потсдаме, – рассказывает Плаксин. – Зимой меня отпустили в отпуск, почти месяц провел дома, познакомился с родными, а потом снова вернулся в распоряжение части. Охраняли склады Министерства обороны, а в 1946-м вышел приказ: бойцов 1926 года рождения, имеющих три и более ранения, демобилизовать. И я вернулся в Борисово-Покровское.

Два героя

30 дней дали Плаксину на отдых, на то, чтобы переключился с военного уклада на гражданский, а потом председатель колхоза вызвал к себе, мол, принимай Николай пятую бригаду. Принял. Но в сельском хозяйстве работал недолго, 38 лет своей жизни посвятил потребкооперации, возглавляя общество. Торговля тогда в районе знатная велась. Плаксин старался содержать вверенную отрасль в порядке, много сил приложил к тому, чтобы она развивалась.

В 1953 году женился. Правда, с супругой познакомился десятилетиями раньше, в Горьком, когда учился на командира пулеметных расчетов. А она была студенткой сельхозинститута. Выйдут, бывало, бойцы на площадь Чкалова отбавлять строевую подготовку, а девочки на них во все глаза смотрят, любят. Тогда и познакомились без особого прицела на будущее. А кривая судьбы взяла и вывела их к новой встрече, уже после войны.

В Борисово-Покровском тогда племенное хозяйство открывали по разведению овец. И ее присла-

ли сначала в качестве специалиста, а потом и руководителем назначили...

– Несколько лет уже живу один, – говорит Николай Григорьевич. – Супругу похоронил, дочь обосновалась в Богородске, внук – майор ФСБ, вместе с семьей в Нижнем Новгороде. Навещают, не забывают... Ко мне вообще гости часто заходят.

Это и не удивительно, несмотря на возраст, Н.Г.Плаксин по-прежнему активно занимается общественной деятельностью. Поддерживает связь с Нижегородской школой. Второй год подряд приходят к нему ребяташки, и фронтовики учат их хлеб сеять. Как в старину, из лукошка разбрасывают по участку рожь и пшеницу. А в конце лета убирают урожай. Косят, связывают колосья в снопы, сушат, обмолачивают... К первому сентября Николай Григорьевич преподнес своим юным друзьям подарок – каравай, испеченный из муки нового урожая.

– Перечитывал как-то ветеран Книгу памяти, нашел около 30 фамилий погибших бойцов, которые на местном обелиске не увековечены. «Хочу, – говорит, – попросить в сельской администрации, чтобы сделали новые таблички, внесли эти имена, и мы бы отдавали дань уважения этим людям».

В комнате у Николая Григорьевича на стене висят фотографии. На них запечатлены он, курсант Плаксин, и его отец, участник империалистической и Гражданской войн... Отец умер от болезни задолго до начала Великой Отечественной, но славный боевой путь продолжил сын Николай. Вот они, два героя своего времени, не искавшие славы и наград, просто сражавшиеся за свое Отечество, за мир и покой, за будущее... Сумевшие пройти все испытания и выжить.

Юлия МИНДАЛЕВА,
Дальнее Константиново

